

Так, к 200 году до нашей эры моя империя значительно приросла в территориальном плане. В первую очередь, разумеется, за счёт подчинённых мне государств и племён.

Во-первых, к империи были полностью присоединены на равных началах Вифиния, Понт, Колхида, а также Боспорское царство. Царские семьи этих стран, естественно, влились в ряды высшей аристократии империи, получив пожизненное содержание в обмен на добровольное присоединение.

Во-вторых, к империи были присоединены на правах автономных субъектов Иберское, Одрисское, Дарданское и Ардиейское царства. Кроме этого, на правах автономного субъекта в империю вошла и Аравия, собравшаяся моими усилиями в единое государство, вобравшее в себя все арабские племена.

В-третьих, была захвачена долина реки Бетис, где попытался осесть и встать во главе всего Ганнибал, который, впрочем, был убит собственной же женой по приказу своего отца, для которого Ганнибал, к его же несчастью, стал крайне неудобным политическим препятствием.

В-четвёртых, были подчинены некоторые слишком упорные в своём пиратстве племена, проживающие на побережье Эритрейского моря. Захвата Нубии, впрочем, не произошло.

Как ни странно, этап организованного расширения империи был завершён. Далее, как не трудно догадаться, происходило на половину организованное расширение империи за счёт колонизации сопредельных с империей пространств.

Выброшенные жизнью на помойку, многие десятки и сотни тысяч человек предпочли стать колонистами. Вооружённые нарезными винтовками и пистолетами согласно моему декрету о диких землях, а также воодушевлённые перспективой снова получить собственную землю, они буквально хлынули из империи.

Поток этот, как ни странно, затронул всех. Сотни тысяч поселенцев преодолели Истр (в моей прошлой жизни он назывался Дунаем), буквально наводнив левый берег Дуная.

Естественно, тут же начав всячески теснить местные племена, не способные что-либо противопоставить нарезным винтовкам и пистолетам. Если крупные и хорошо укреплённые поселения ещё как-то могли выдержать атаку колонистов, то вот небольшие поселения – нет.

Как результат, местные племена оказались в положении бесправного большинства, у которого колонисты принудительно отнимали лучшие земли, где сами и стали селиться.

Точно также, собственно, происходило и в других местах. Точно также происходило и на северных склонах Кавказа, куда через горные тропы проникали менее многочисленные, но всё очень многочисленные и крайне отчаянные поселенцы.

Отважные авантюристы и отчаянные бедняки, у которых из имущества разве что пачка патронов и винтовка, да и те данные государством, а также их семьи – вот те люди, что пришли в северный Кавказ, желая обрести там себе новый дом.

Разумеется, и скифы, и все другие кочевники ничего не могли противопоставить многотысячным толпам переселенцев, хотя и сражались с ними с гораздо большим успехом, чем племена левобережья Истра, благодаря своей великолепной мобильности и проработанной тактике.

Та же ситуация повторилась и в степях Центральной Азии, но там кочевникам очень сильно помог значительно меньший размах переселения. Впрочем, я не совсем уверен, что им от этого стало приятнее ощущать у себя буквально под боком тысячи крайне опасных и не менее отчаянных колонистов.

Тем более, что последние, являясь носителями преимущественно греческой и, что не менее важно, христианской культуры, вообще никак с ними не совпадали с кочевниками – ни культурно, ни религиозно. По крайней мере, в большинстве случаев.

Веселее всего было, впрочем, в Иберии и Африке, где частично эллинизированные финикийцы на пару с эллинами стали ещё сильнее теснить местные племена, проникая всё глубже и, таким образом, уходя всё дальше и дальше от побережья.

Всё потому, что наиболее консервативные пунические общины, желая уйти подальше от греческого влияния, уже полностью захватившего умы городского населения, кое, по их мнению, обратилось против них и разорило их хозяйства, уходили, собственно, вглубь континента.

Другой логики, впрочем, придерживались египтяне, к сему моменту обернувшиеся практически полностью в греческие одежды, если вы, конечно же, понимаете, о чём я.

Как ни странно, подобные оборотни, ставшие греками именно с культурной точки зрения, были крайне, даже чрезмерно патриотичны, что вкупе с религиозным радикализмом вело их всё дальше по течению Нила.

В отличие от них, греки Таврики, а также вообще все греки, проживавшие на побережье Понта Эвксинского, действовали немного по иным мотивам.

Так как они вообще никогда не были большинством в местах своего проживания, а число их расширялось преимущественно за счёт эллинизации местных племён, то и действовали они из других побуждений.

Они действовали из тех побуждений, что смогут серьёзно расширить своё богатство и влияние на большее число местных племён, если будут агрессивно расширяться вглубь территории при помощи нарезного оружия, которому местным, опять же, было нечего противопоставить.

Иными словами, они все искали себе не новый дом и счастье на новых территориях, а богатства и власти. Строили они себе не новый дом, где предстояло жить им и их потомкам, а торговые фактории, поселения, служащие лишь очередным пунктом в сети местной торговли.

Ну, отсюда и большая организация, а также подготовка участников. Это были не отбросы общества, выброшенные жизнью на помойку, либо бегущие от государства по тем или иным причинам, а обычные граждане.

Отряды в экспедициях подобного рода были малочисленны, но манёвренны, более-менее автономны и имели определённую военную подготовку.

Так, обычной была ситуация, когда в отряде состоял сам инициатор экспедиции, либо же его доверенное лицо – в обоих случаях, как правило, речь шла про зажиточных горожан, а также эскорт из его слуг, обычно из числа местных, и ушедших в отставку военных.

Разумеется, полноценной колонизацией это было назвать нельзя, потому что такие отряды, как правило, просто приходили к местным племенам и пытались склонить их к «полному сотрудничеству», либо при помощи дипломатии, либо, если попытки в дипломатию не удались, при помощи военной силы.

Как только отряд успешно принуждал местных к «сотрудничеству», он, как правило, приступал к сооружению небольшого, но хорошо укрепленного поселения буквально из нескольких домов, обнесённых деревянными стенами.

Естественно, всё это происходило усилиями слуг, на которых лежала, впрочем, не только задача по сооружению фактории, но и задача по её охране, так как после отряд, в котором оставалась лишь самая минимальная прислуга, уходил обратно. Разумеется, вместе с приобретённым добром.

Ну и, наконец, организованные государством, то есть, мною, колонии. Как не трудно догадаться, я тоже принял участие в этом празднике жизни. Правда, действовал совершенно в другом направлении.

В основном, я занялся колонизацией островов Эритрейского моря (он же Индийский океан из моей прошлой жизни), где сооружал что-то среднее между факториями и полноценными поселениями.

Правда, никаких оборонительных сооружений там, как правило, не требовалось. Потому, что никаких людей, кроме пришлых колонистов, там никогда и не было.

Что касается причин подобных предприятий – всё дело в роскоши. Вернее, в попытке сделать роскошь более доступной. Мне и моему ближайшему окружению то, конечно, любые прихоти по карману, хоть перекопать весь Израиль и превратить Иерусалим в озеро, а вот обычному народу такие удовольствия, скорее всего, недоступны.

Что, естественно, очень печально, потому что ему бы очень сильно пошло на пользу наличие дешёвого кофе, чая, сахара, пряностей, тропических фруктов, а также прочей «роскоши».

В первую очередь потому, что это продукт, который покупают и будут покупать, причём с каждым годом всё больше, что, в свою очередь, будет создавать спрос на них, а это, в свою очередь, означает новые отрасли хозяйства, рабочие места и прочее.

И да, к счастью, у нас есть великое чудо под названием долина реки Инд, расположенная в периферии Паталена (Пакистан), позволяющая нам полностью закрыть все наши потребности в сахаре, хлопке, нуте, абрикосах, финиках, мандаринах и многих иных продуктах.

За счёт Бактрии и Согдианы (Узбекистан), Персии (Иран) и Паталены (Пакистан) мы можем также закрыть все потребности в шёлке. За счёт Анатолии (Турция) – в чае.

Впрочем, вопрос с кофе, рисом и другими культурами даже в этом случае остаётся нерешённым. То есть, даже в том случае, если я потрачу немыслимые ресурсы, в том числе и временные, чтобы развить в упомянутых регионах необходимый уровень производства упомянутого сырья, мы всё ещё не полностью выполним список дел.

Жаль, правда, что лишь на время, пока население моей державы не вырастет до приличных размеров – хотя бы до одного миллиарда человек, ибо, к счастью или нет, но миллиард человек довольно проблематично обеспечить за счёт одного лишь региона.

Ну и, соответственно, чтобы решить эту проблему, необходимо обратиться к внешним источникам требуемого сырья. Где расположены эти внешние источники?

В общем-то, в Африке и в Азии. Кто бы мог подумать, что на самом крупном и втором по размеру материке будет всё, что нам нужно, да? Ну, вот я вот об этом подумал, а потому пришёл к закономерному выводу, что можно было бы постепенно начать выводить колонии.

Пока что, правда, лишь на островах Эритрейского моря (Индийского океана), так как у них есть одна очень примечательная особенность – они никем не населены.

По крайней мере, большая их часть, что позволяет мне беспрепятственно возводить на их территории всю необходимую мне для дальнейшей колониальной экспансии инфраструктуру.

Превращением моей континентальной империи в колониальную империю, Впрочем, будут заниматься уже мои потомки. Возможно, это не так очевидно для невнимательных читателей, но в мае 200 года до нашей эры мне исполнилось уже сорок четыре года.

Очевидно, я был уже не молодым парнишкой. За моими плечами уже было более двадцати лет правления, создание крупнейшей империи в истории, блестящая военная карьера без единого поражения, слава великого учёного, пророка и мессии.

В свои сорок четыре года я уже стал практически богом. Ощущения примерно такие же, как если бы я был в самом конце какой-нибудь дрянной игры, где совершенно отсутствует баланс.

К счастью или же нет, но у меня нет и уже не будет адекватных соперников. Ну, а когда ощущений даже от столь опасного занятия, как война, нет и не может быть априори, то какой тогда смысл портить себе итак уже убитое здоровье и дальше в постоянных походах?

Совершенно верно - никаких. Тем более, что ни один из них не окупится ни в ближайшей, ни в среднесрочной перспективе. Не говоря уже о том, что сотрясаемая переменами империя может и не выдержать собственного же веса в моё отсутствие.

Так, к 200 году до нашей эры моя империя значительно приросла в территориальном плане. В первую очередь, разумеется, за счёт подчинённых мне государств и племён.

Во-первых, к империи были полностью присоединены на равных началах Вифиния, Понт, Колхида, а также Боспорское царство. Царские семьи этих стран, естественно, влились в ряды высшей аристократии империи, получив пожизненное содержание в обмен на добровольное присоединение.

Во-вторых, к империи были присоединены на правах автономных субъектов Иберское, Одрисское, Дарданское и Ардиейское царства. Кроме этого, на правах автономного субъекта в империю вошла и Аравия, собравшаяся моими усилиями в единое государство, вобравшее в себя все арабские племена.

В-третьих, была захвачена долина реки Бетис, где попытался осесть и встать во главе всего Ганнибал, который, впрочем, был убит собственной же женой по приказу своего отца, для которого Ганнибал, к его же несчастью, стал крайне неудобным политическим препятствием.

В-четвёртых, были подчинены некоторые слишком упорные в своём пиратстве племена, проживающие на побережье Эритрейского моря. Захвата Нубии, впрочем, не произошло.

Как ни странно, этап организованного расширения империи был завершён. Далее, как не трудно догадаться, происходило на половину организованное расширение империи за счёт колонизации сопредельных с империей пространств.

Выброшенные жизнью на помойку, многие десятки и сотни тысяч человек предпочли стать колонистами. Вооружённые нарезными винтовками и пистолетами согласно моему декрету о диких землях, а также воодушевлённые перспективой снова получить собственную землю, они буквально хлынули из империи.

Поток этот, как ни странно, затронул всех. Сотни тысяч поселенцев преодолели Истр (в моей прошлой жизни он назывался Дунаем), буквально наводнив левый берег Дуная.

Естественно, тут же начав всячески теснить местные племена, не способные что-либо противопоставить нарезным винтовкам и пистолетам. Если крупные и хорошо укрепленные поселения ещё как-то могли выдержать атаку колонистов, то вот небольшие поселения – нет.

Как результат, местные племена оказались в положении бесправного большинства, у которого колонисты принудительно отнимали лучшие земли, где сами и стали селиться.

Точно также, собственно, происходило и в других местах. Точно также происходило и на северных склонах Кавказа, куда через горные тропы проникали менее многочисленные, но всё очень многочисленные и крайне отчаянные поселенцы.

Отважные авантюристы и отчаянные бедняки, у которых из имущества разве что пачка патронов и винтовка, да и те данные государством, а также их семьи – вот те люди, что пришли в северный Кавказ, желая обрести там себе новый дом.

Разумеется, и скифы, и все другие кочевники ничего не могли противопоставить многотысячным толпам переселенцев, хотя и сражались с ними с гораздо большим успехом, чем племена левобережья Истра, благодаря своей великолепной мобильности и проработанной тактике.

Та же ситуация повторилась и в степях Центральной Азии, но там кочевникам очень сильно помог значительно меньший размах переселения. Впрочем, я не совсем уверен, что им от этого стало приятнее ощущать у себя буквально под боком тысячи крайне опасных и не менее отчаянных колонистов.

Тем более, что последние, являясь носителями преимущественно греческой и, что не менее важно, христианской культуры, вообще никак с ними не совпадали с кочевниками – ни культурно, ни религиозно. По крайней мере, в большинстве случаев.

Веселее всего было, впрочем, в Иберии и Африке, где частично эллинизированные финикийцы на пару с эллинами стали ещё сильнее теснить местные племена, проникая всё глубже и, таким образом, уходя всё дальше и дальше от побережья.

Всё потому, что наиболее консервативные пунические общины, желая уйти подальше от греческого влияния, уже полностью захватившего умы городского населения, кое, по их мнению, обратилось против них и разорило их хозяйства, уходили, собственно, вглубь континента.

Другой логики, впрочем, придерживались египтяне, к сему моменту обернувшиеся практически полностью в греческие одежды, если вы, конечно же, понимаете, о чём я.

Как ни странно, подобные оборотни, ставшие греками именно с культурной точки зрения, были крайне, даже чрезмерно патриотичны, что вкупе с религиозным радикализмом вело их всё дальше по течению Нила.

В отличие от них, греки Таврики, а также вообще все греки, проживавшие на побережье Понта Эвксинского, действовали немного по иным мотивам.

Так как они вообще никогда не были большинством в местах своего проживания, а число их расширялось преимущественно за счёт эллинизации местных племён, то и действовали они из других побуждений.

Они действовали из тех побуждений, что смогут серьёзно расширить своё богатство и влияние на большее число местных племён, если будут агрессивно расширяться вглубь территории при помощи нарезного оружия, которому местным, опять же, было нечего противопоставить.

Иными словами, они все искали себе не новый дом и счастье на новых территориях, а богатства и власти. Строили они себе не новый дом, где предстояло жить им и их потомкам, а торговые фактории, поселения, служащие лишь очередным пунктом в сети местной торговли.

Ну, отсюда и большая организация, а также подготовка участников. Это были не отбросы общества, выброшенные жизнью на помойку, либо бегущие от государства по тем или иным причинам, а обычные граждане.

Отряды в экспедициях подобного рода были малочисленны, но манёвренны, более-менее автономны и имели определённую военную подготовку.

Так, обычной была ситуация, когда в отряде состоял сам инициатор экспедиции, либо же его доверенное лицо – в обоих случаях, как правило, речь шла про зажиточных горожан, а также эскорт из его слуг, обычно из числа местных, и ушедших в отставку военных.

Разумеется, полноценной колонизацией это было назвать нельзя, потому что такие отряды, как правило, просто приходили к местным племенам и пытались склонить их к «полному сотрудничеству», либо при помощи дипломатии, либо, если попытки в дипломатию не удались, при помощи военной силы.

Как только отряд успешно принуждал местных к «сотрудничеству», он, как правило, приступал к сооружению небольшого, но хорошо укрепленного поселения буквально из нескольких домов, обнесённых деревянными стенами.

Естественно, всё это происходило усилиями слуг, на которых лежала, впрочем, не только задача по сооружению фактории, но и задача по её охране, так как после отряд, в котором оставалась лишь самая минимальная прислуга, уходил обратно. Разумеется, вместе с приобретённым добром.

Ну и, наконец, организованные государством, то есть, мною, колонии. Как не трудно догадаться, я тоже принял участие в этом празднике жизни. Правда, действовал совершенно в другом направлении.

В основном, я занялся колонизацией островов Эритрейского моря (он же Индийский океан из моей прошлой жизни), где сооружал что-то среднее между факториями и полноценными поселениями.

Правда, никаких оборонительных сооружений там, как правило, не требовалось. Потому, что никаких людей, кроме пришлых колонистов, там никогда и не было.

Что касается причин подобных предприятий - всё дело в роскоши. Вернее, в попытке сделать роскошь более доступной. Мне и моему ближайшему окружению то, конечно, любые прихоти по карману, хоть перекопать весь Израиль и превратить Иерусалим в озеро, а вот обычному народу такие удовольствия, скорее всего, недоступны.

Что, естественно, очень печально, потому что ему бы очень сильно пошло на пользу наличие дешёвого кофе, чая, сахара, пряностей, тропических фруктов, а также прочей «роскоши».

В первую очередь потому, что это продукт, который покупают и будут покупать, причём с каждым годом всё больше, что, в свою очередь, будет создавать спрос на них, а это, в свою очередь, означает новые отрасли хозяйства, рабочие места и прочее.

И да, к счастью, у нас есть великое чудо под названием долина реки Инд, расположенная в периферии Паталена (Пакистан), позволяющая нам полностью закрыть все наши потребности в сахаре, хлопке, нуте, абрикосах, финиках, мандаринах и многих иных продуктах.

За счёт Бактрии и Согдианы (Узбекистан), Персии (Иран) и Паталены (Пакистан) мы можем также закрыть все потребности в шёлке. За счёт Анатолии (Турция) - в чае.

Впрочем, вопрос с кофе, рисом и другими культурами даже в этом случае остаётся нерешённым. То есть, даже в том случае, если я потрачу немислимые ресурсы, в том числе и временные, чтобы развить в упомянутых регионах необходимый уровень производства упомянутого сырья, мы всё ещё не полностью выполним список дел.

Жаль, правда, что лишь на время, пока население моей державы не вырастет до приличных размеров - хотя бы до одного миллиарда человек, ибо, к счастью или нет, но миллиард человек довольно проблематично обеспечить за счёт одного лишь региона.

Ну и, соответственно, чтобы решить эту проблему, необходимо обратиться к внешним источникам требуемого сырья. Где расположены эти внешние источники?

В общем-то, в Африке и в Азии. Кто бы мог подумать, что на самом крупном и втором по размеру материке будет всё, что нам нужно, да? Ну, вот я вот об этом подумал, а потому пришёл к закономерному выводу, что можно было бы постепенно начать выводить колонии.

Пока что, правда, лишь на островах Эритрейского моря (Индийского океана), так как у них

есть одна очень примечательная особенность – они никем не населены.

По крайней мере, большая их часть, что позволяет мне беспрепятственно возводить на их территории всю необходимую мне для дальнейшей колониальной экспансии инфраструктуру.

Превращением моей континентальной империи в колониальную империю, впрочем, будут заниматься уже мои потомки. Возможно, это не так очевидно для невнимательных читателей, но в мае 200 года до нашей эры мне исполнилось уже сорок четыре года.

Очевидно, я был уже не молодым парнишкой. За моими плечами уже было более двадцати лет правления, создание крупнейшей империи в истории, блестящая военная карьера без единого поражения, слава великого учёного, пророка и мессии.

В свои сорок четыре года я уже стал практически богом. Ощущения примерно такие же, как если бы я был в самом конце какой-нибудь дрянной игры, где совершенно отсутствует баланс.

К счастью или же нет, но у меня нет и уже не будет адекватных соперников. Ну, а когда ощущений даже от столь опасного занятия, как война, нет и не может быть априори, то какой тогда смысл портить себе итак уже убитое здоровье и дальше в постоянных походах?

Совершенно верно – никаких. Тем более, что ни один из них не окупится ни в ближайшей, ни в среднесрочной перспективе. Не говоря уже о том, что сотрясаемая переменами империя может и не выдержать собственного же веса в моё отсутствие.

Таким образом, мне только и осталось, что, подвести итоги. Итак, Я, Птолемей IV Филопатор, при жизни получивший также такие эпитеты, как «Победоносный», «Божия десница», «Величайший» и так далее, подвожу итоги своего путешествия...

<http://tl.rulate.ru/book/77109/2727761>